

ВОСПОМИНАНІЯ
О
ПОХОДАХЪ
1813 и 1814 годовъ.

СОЧИНЕНІЯ

АНДРЕЯ РАЕВСКАГО,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ОБЩЕСТВА ВОЕННЫХЪ
ЛЮДЕЙ ПРИ ГВАРДЕЙСКОМЪ ШТАБѢ И С.
ПЕТЕРБУРГСКАГО ВОЛЬНОГО ЛЮБИТЕЛЯ
СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ И ХУДОЖЕСТВЪ
И ПРОЧ.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1822 ГОДА.

**Печаташь дозволяется съ тѣмъ , чтобы по
опечатаніи , до выпуска въ продажу , пред-
ставлены были въ Ценсурный Комитетъ : одинъ
экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета,
другой для Департамента Министерства Про-
свѣщенія , два экземпляра для Императорской
Публичной Библіотеки и одинъ для Император-
ской Академіи Наукъ. Москва , 1821 Ноября 10
дня. *Ординарный Профессоръ , Коллежскій
Совѣтникъ и Кавалеръ Михаилъ Катеновскій.***

**Изданіе Коммиссіонера Императорскаго Москов-
скаго Университета А. С. Ширяева.**

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

НИКОЛАЮ МАРТЬЯНОВИЧУ

СИПЯГИНУ,

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРЮ.

Примите, Ваше Превосходительство, приношеніе мое, какъ слабый знакъ душевнаго уваженія и признательности, которыя вѣчно сохранию къ Вамъ въ сердцѣ моемъ.

Издавая въ свѣтъ сіи записки, я не ищу ни славы писателя, ни одобренія журналистовъ; критика обратилась нынѣ въ ругательство: и я рѣшился, принимая справедливыя замѣчанія съ благодарностію, не отвѣчать на колкости. Пріятное воспоминаніе трудовъ и опасностей, понесенныхъ Россіянами въ знаменитыя брани послѣднихъ годовъ, побуждало меня излагать мысли мои на бумагу, дабы тѣмъ удобнѣе сохранить ихъ для себя и для добрыхъ моихъ сослуживцевъ. Я не входилъ въ подробное описаніе ежедневныхъ переходовъ и перестрѣлокъ, столь часто случавшихся, и которыя, въ сравненіи съ дѣйствіями большой арміи, не заслуживаютъ ни малѣйшаго вниманія. На языкъ отечественномъ ильемъ мы самые вѣрные маршруты отъ границъ Китая до Кадикса; а

реляція дѣлѣ , совершенно неважныхъ , навела бы только скуку. Я изображалъ то , что чувствую ; изображалъ вещи въ такомъ видѣ , въ какомъ онѣ представлялись моему взору. Безъ сомнѣнія могъ иногда ошибаться , не надѣюсь , чтобы и слогъ мой былъ совершенно избѣгнѣ погрѣшностей ; но самолюбіе мое будетъ утѣшено , если тѣ , для которыхъ издаю книгу сію , прочтутъ ее съ удовольствіемъ.

Я имѣлъ наміреніе присоединить къ силѣ запискамъ Историческое обозрѣніе состава и подвиговъ ополченія 3го Округа. Оно займетъ слишкомъ много мѣста , и я , за недостаткомъ способовъ , долженъ отложить пріятную обязанность отдать должную справедливость великодушному самопожертвованію Россійскаго Дворянства. Благосклонное принятіе сихъ двухъ Частей дастъ мнѣ возможность исполнить со временемъ мое обѣщаніе.

ВОСПОМИНАНІЯ

О

ПОХОДАХЪ

1813 и 1814 г.

I.

ДОРОГА ОТЪ УСТИЛУГА ДО ВАРШАВЫ.

Переѣхавъ мостъ на *Бугѣ*, я простился съ Россіею. Двуглавый орелъ, бодрствующій надъ благомъ ея опъ предѣловъ Китайская до Чернаго моря, хранящій благотворные законы ея опъ хладныхъ ущелій древней Скандинавіи до областей Персиды, осмался на высокихъ утесахъ съ той стороны *Буга*; здѣсь встрѣшилъ насъ изнуренный, едва дышущій орелъ Польши, сшѣсненнѣ въ углу герба Саксонскаго.

И такъ я за границею! Какое странное, непонятное чувство производитъ въ душѣ нашей сіе простое слово, означающее только предѣлъ власпи одного лица, или Правительсва! — Могу ли рубежи Россіи почищать своимъ Опечеснвомъ? Владычество АЛЕКСАНДРА проспирается въ степяхъ Киргизъ-Кайсаковъ, Чеченцовъ, Алеуповъ; но могу ли назваъ ихъ моими братьями? — Между шѣмъ какое-то не-

Часть I.

А

вольное, горестное ощущение объяло душу мою, когда смогришель таможни велѣль поднять шлахбаумъ и пожелалъ намъ счастливаго возвращенія! Увы! онъ не могъ пожелать ничего лучше. Путешественникъ, отправляющійся въ чужія земли изъ прихоти или любопытства видѣть новыя лица, новыя предметы, ожидаетъ однихъ только удовольствій; но воинъ, прощаясь со всѣми выгодами жизни, готовясь къ однимъ трудамъ и неся въ жернову жизнь, имѣетъ въ виду только благоденствие Отечества и слабый, невѣрный призракъ славы, которую долженъ купить цѣною опасностей и крови. — Съ горестію сморѣлъ я на шумные ряды юношей, толпившихся на мосту съ радостными пѣснями и поздравлявшихъ другъ друга съ переходомъ *за границу*. Многие ли изъ васъ, думалъ я, увидятъ отеческіе дома и своихъ ближнихъ? Раны и болѣзни ждутъ васъ, храбрые товарищи; холодныя сердца чужеземцовъ не будутъ сострадать вамъ, не прострутъ утѣшительной руки помощи на одръ нищеты и спаданія! Сколько бѣдствій должны претерпѣть вы для достиженія своей цѣли! —

Цогруженный въ сіи печальныя мысли, медленно слѣдовалъ я по песчаной дорогѣ къ *Хелму*. Я ѣхалъ съ Полковникомъ Р — чемъ; жена его провожала насъ версты двѣ за границу. Трогательное ихъ прощаніе, противъ воли испоргло нѣсколько

слезъ изъ глазъ моихъ; но слезы сіи смѣшаны были съ пріятною увѣренностію, что *любовь и дружба* существуютъ въ мірѣ. Признаюсь, что и эгоизмъ вмѣшался въ мои чувства: онъ давалъ мнѣ надѣяться, что есть люди, которые и меня будутъ помнить.

На другой день увидѣли мы старинныя башни *Хелма*. Одинъ изъ нашихъ товарищей, служившій подъ знаменами великаго *Суворова*, съ восхищеніемъ описывалъ намъ окрестныя мѣста, которыя были свидѣтелями славы непобѣдимыхъ войскъ нашихъ. Новыя брани изгладили слѣды прежнихъ; рѣдкіе изъ здѣшнихъ жителей говорятъ теперь о *Екатеринѣ, Суворовѣ*: настоящее всегда занимаетъ болѣе, нежели прошедшее. — Всѣ жалуются на своеволие Саксонцевъ. И самые ожесточенные непріатели не могли поступать безчеловѣчнѣе сихъ союзниковъ и друзей Польши. Жалобы были бесполезны: легко вообразишь можно, что въ состояніи сдѣлать солдаты, необузданные страхомъ наказанія.

Нѣкогда *Хелмъ* былъ окруженъ укрѣпленіями; но теперь не видно и остатка оныхъ. Городокъ весьма плохой. Квартира наша была въ древнемъ, огромномъ зданіи, принадлежавшемъ какому-то монастырю, а теперь занимаемомъ Епископомъ Хелмскимъ. Одинъ изъ духовныхъ, находящійся при семъ Епископѣ, встрѣтилъ и проводилъ насъ въ опшдаленныя

комнаты. Я чрезвычайно обрадовался, узнавъ, что онъ говоритъ по Французски и по Нѣмецки (въ Польскомъ языкѣ мои успѣхи были очень невелики). Весьма умно и справедливо рассуждалъ онъ о настоящемъ положеніи Польши. „Молодые люди,“ говорилъ онъ, „обольщенные славою и мнимымъ величіемъ *Наполеона*, почипая честию и славою служить подъ знаменами *перваго Полководца всѣхъ временъ и народовъ*. Тысячи изъ нихъ погибли въ Испаніи, Италіи, Германіи и Россіи; но еще тысячи гошовой жертвовашъ жизнью для ложной славы и прихоти гордаго честолюбца, который обольщаетъ ихъ скорымъ восстановленіемъ отечества. — Десятилѣтній опытъ не просвѣтилъ ихъ: не самимъ ли себѣ обязаны Поляки сверженіемъ ига Австрійскаго? Не вездѣ ли были они первымъ оплотомъ войскъ Французскихъ? И какую награду получили за это? Мнимая вольность, купленная кровію, превратилась въ рабство: свергнувъ отеческое правленіе Австріи, бѣдная Польша сдѣлалась провинціею Короля Саксонскаго. Каждый Французскій Генераль имѣлъ власть неограниченную; собственность и самая жизнь находилась въ рукахъ жестокихъ деспотовъ. Министры и прочіе Государственные Чиновники безъ всякаго опасенія грабятъ несчастное отечество; Вельможи пользуются всеобщимъ безпорядкомъ для поправленія разстроенныхъ дѣлъ своихъ. Мало или почти совсѣмъ нѣтъ

испипныхъ патріотовъ, которые, безъ всякой корысти, занимались бы благомъ своей отчизны.“

Бѣдная Польша! бѣдные Поляки! что пріобрѣли вы гибельною дружбою *Наполеона*? Весьма кстапи привести здѣсь странное, но справедливое замѣчаніе одного (мнимаго) путешественника: „Какая это земля?“ спрашивалъ онъ, вѣхавъ въ Польшу. — Герцогство Варшавское. — — „Какой же здѣсь народъ?“ — Поляки. — „Кто Герцогъ?“ — Король Саксонскій. — „Какіе у нихъ законы?“ — Французскіе! — „Какія деньги здѣсь ходятъ?“ — Прусскія! — Смѣшное, но истинное изображеніе слабости и рабства.

Честолюбіе нѣсколькихъ чловѣкъ привело Польшу на край гибели. Бѣдное дворянство утѣшалось лестною мечтою, что повинуются самимъ имъ избранному Монарху, что голосъ каждаго имѣетъ силу въ собраніи народномъ; но какъ рѣдко случалось, особенно въ послѣднія времена, чтобы Король возведенъ былъ на престолъ общимъ, свободнымъ желаніемъ Государства. Не всегда ли происки и шпыки иностранцевъ руководствовали *выборомъ*? Рассказываютъ смѣшные анекдоты о сихъ собраніяхъ. „*Не позволямъ!*“ кричалъ одинъ шляхтичъ при избраніи *Станислава Лещинскаго*. — А по чему? — спрашивалъ у него приверженный къ Лещинскому. „Да по тому, что сосѣдь мой не согласенъ.“ Было множество подобныхъ случаевъ; ибо рѣдкій

изъ присутствующихъ зналъ даже по слуху выбираемаго Короля.

Я хотѣлъ видѣть городъ; добрый Ксензь не отказался быть моимъ спутникомъ. Не нашедъ ничего достойнаго особеннаго вниманія, возвращались мы домой. Полякъ показалъ мнѣ равнину у самаго города, на которой за двадцать лѣтъ предъ симъ сражались Рускіе. Разговоръ коснулся Костюшки. „Онъ былъ храбрый, благородный человекъ“ сказалъ мой спутникъ; „но не въ силахъ былъ поддерживать одинъ полусокрушившееся зданіе независимости Польской.“ Въ то самое время увидѣли мы медленное шествіе похоронъ, довольно великолѣпныхъ. „Кого хоронятъ?“ спросилъ я у сопровождавшихъ гробъ. Мнѣ сказали имя одной очень богатой помещицы.

„Исторія сей женщины“ говорилъ Ксензь въ продолженіи пути „достойна любопытства и можетъ служишь весьма полезнымъ урокомъ для призывающихъ *всуге имя Господне*. Есть люди, которые не вмѣняють въ преступленіе необдуманная, страшная клятва, иные отъ безразсудной вѣтренности, другіе отъ разврата; но рано или поздно Божеское мщеніе постигаетъ ихъ. — С***, мужъ сей дамы, человекъ довольно богатый, живетъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города; собаки и лошади занимають его болѣе, нежели семейство. Равнодушно смотрѣлъ онъ на вѣтренные поступки жены своей, которая,

родясь съ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ, но къ несчастію съ сильными страстями, дала излишнюю волю своему воображенію. Года за два передъ симъ пріѣхалъ въ нашъ городъ Полковникъ съ прекрасною, милою женою. Всѣ любили ихъ за гостепріимство и рѣдкое дружелюбіе. С*** познакомилась съ ними, и невольно сравнивая хладнокровнаго своего мужа съ пылкимъ Полковникомъ, забыла свои обязанности. Легкомысленный Полковникъ, обольщенный ея ловкостію и любезностію, нарушилъ также обѣщанія супружеской вѣрности. Связь ихъ была нѣсколько времени тайною; но можно ли утаить что-либо отъ проницательнаго взора нѣжной любви? Скоро подозрѣніе превратилось въ печальную досповѣрность: случай доставилъ въ руки обманутой супруги (назовемъ ее Аполлонією) письма любовниковъ — неоспоримое доказательство ея несчастія. Оскорбленное самолюбіе укропилось нѣсколько слезами и раскаяніемъ супруга, который далъ ей клятву не видать болѣе соперницы. Истинная любовь снисходительна: казалось, спокойствіе возвратилось въ ея сердце. Но въ одинъ праздникъ С*** была въ церкви; случилось нечаянно, что Полковница, не примѣшивъ ее, сѣла рядомъ съ нею. Едва увидѣла она виновницу жестокихъ своихъ мученій, слезы градомъ покапались изъ глазъ ея; между тѣмъ преступная С***, спрашась невыгоднаго для себя сужденія публики и не зная совсѣмъ о письмахъ, доставшихся

Аполлоніи, спала увѣрять ее въ своей невинности и въ неосновательности ея подозрѣній. Легко можно вообразить, съ какимъ презрѣніемъ слушала несчастная Аполлонія сіи прищворныя увѣренія. Въ это время Свѣщенникъ вынесъ Святые Дары; „*клянусь вамъ кровію Спасителя,*“ продолжала С***, „что ни въ чемъ не виновна; если я говорю неправду, пусть накажетъ меня небесное правосудіе ужасными, неслыханными мученіями!“ Съ прешепомъ въ сердцѣ слушала Аполлонія спрашныя, сіи кляшвы; холодъ разлился по ея жиламъ: она не могла сидѣть долѣе, и вышла. — Но съ того времени гнѣвъ Божій ошягошился надъ пресупницею: тѣло ея покрылось ранами; неносная шоска преслѣдовала ее повсюду, и, послѣ истинно неслыханныхъ спраданій, продолжавшихся болѣе года, она скончалась въ тяжкихъ мученіяхъ. Но прежде смерти просила ради самаго Бога Полковницу облегчить прощеніемъ горестную разлуку ея съ жизнью. — Добрая Аполлонія не отказала ей въ семъ послѣднемъ утѣшеніи: она простила ее отъ всей души. Можетъ быть и Судія небесный помилуетъ ее, оставивъ людямъ грозный примѣръ наказанія за ложныя кляшвы.“ —

Ужасъ и печаль стѣсняли грудь мою во время повѣствованія Ксенза. С*** была пресупница; но не лзя не чувствовать къ ней состраданія, видя, какими бѣдствіями наказалъ ее Промысль. Человѣкъ

безъ религіи, безъ нравственности не повѣришь сему происшествію; но истинный Христіанинъ познаешь въ немъ слѣды небеснаго правосудія, часто долгоперпѣливаго, но всегда неизбѣжнаго. — Весь вечеръ провелъ я грустно, размышляя о слышанномъ мною. На другой день, проспаясь съ умнымъ, добрымъ Ксензомъ, пустился далѣе въ путь, не зная и самъ, куда ведешь меня невидимая рука судьбы. Безъ всякаго вниманія проѣхалъ я *Безенъ, Крешмовъ* и *Менковицы*; успалость приготавлила мнѣ спокойный ночлегъ, необходимость дѣлала всѣ труды сносными. Въ селеніи *Менковицахъ* провелъ я вечеръ довольно пріятно въ кругу привѣтливаго, гостепріимнаго семейства помѣщика *Фредро*.

Люблинъ показался мнѣ очень худымъ городомъ, когда я въѣзжалъ въ оный; но выѣзжая, совершенно перемѣнилъ свои мысли. Городъ довольно великъ, много есть прекрасныхъ, каменныхъ домовъ; обширный, хорошій садъ приглашаетъ насладиться пріятною весеннею погодою. Я видѣлъ множество гуляющихъ дамъ, и заключилъ (по ихъ одеждѣ и обращенію), что *Люблинъ* не имѣетъ недостатка въ пріятномъ обществѣ. Это весьма рѣдко въ небольшомъ Польскомъ городѣ: ибо помѣщики живутъ въ деревняхъ своихъ, всѣ купцы изъ Евреевъ, а должностныхъ немного. — Черезъ селеніе *Ясково*, мѣстечки *Маркушевъ* и *Куровъ* въ шопъ же вечеръ